

Стефания Данилова

Поэт. Родилась в 1994 году. Автор пяти изданных книг (шестая — в соавторстве с Никой Батхен). Лауреат Всероссийской премии им. А. Деметьева (2023), фестиваля «Покровский собор» (2022), Международного Грушинского интернет-конкурса (2023) и др. Ведущая программы «Молодая поэзия» (<https://molpo.ru>). Редактор рубрики «Дебют» журнала «Аврора». Основатель продюсерского центра «Всемпоззии». Мастер поэтических семинаров «Мы выросли в России», «Капитан Грэй», «КоРифеи», «Посадский Экспрессъ», «Под сенью дружных муз» и др. Публиковалась в журналах «Звезда», «Prosodia», «Юность», «Дружба народов», «Москва», «Полутона», «Формаслов» и др. Преподает писательское искусство в Российском университете дружбы народов, пишет о поэзии в «Российской газете». Живет в Санкт-Петербурге и Москве.

Плохонький перевод с мурчания

* * *

Осень пытается золотом откупиться.
Бросает под щупальца тьме: ну, бери, бери же.
А тьме нужны честные песни, нежные птицы
и мечтатели, упавшие с крыши.
Забрала мою тень, превратила мой луч в отрезок,
а меня — в емкость для пустоты.
Но когда небо стало огромным печатным прессом,
меня из-под него вытолкнули коты.
Как я выталкивала их, когда они под руку лезли
на кухне — а я с чайником или сковородой.
Их шерсть на спинах вздыбилась хвойным заснеженным лесом.
Один хвост — восклицательным знаком,
другой — угрожающей запятой.
И один просверлил тьму глазами так, что ей стало больно,
а другой молчал так, что лучше бы уничтожил.
А я была ручным человечком у них обоих.
Спасибо, кошачий Боже.

* * *

Я живу, мой пушистый друг, между двух огней
разноцветных твоих глаз, что мне рай и ад.
Ты всегда ложишься туда, где всего больней.
И сегодня ты лег на мою тетрадь.

А в ней снегу, снегу бледного намело,
больничного снегу, окаянного, злого.
А от тебя стало так тепло,
что появилось за словом слово...

От обычного пламени — ожоги, пепел и пустота.
От твоего — из ничего вырастают плоть моя, кровь и текст.
Когда я умру, превращусь в кота.
И больше не сумею любить не тех.

* * *

*Марине Кудимовой
и ее «Оркестру на Титанике»*

Говорят: «Дом-корабль»... Мой похож на Титаник.
Ноябрьская я в нем — человек-оркестр.
Покрошить голубям пряник, подкрутить краник,
от помета и палых листьев почистить крест.
Не умею на флейте, зато умею на швабре —
чем вам не изголодавшийся контрабас?
Обучена музыкальной абракадабре.
Зимушка не напасть, да в зимушке б не пропасть...
Леденеет вода в лужах, кипит в титане.
Окно как потусторонний видеочат.
Погружается в самую тьму Титаник.
Я лабаю ноктюрн на швабре.
Коты мурчат.

* * *

Это не первый снег. Здесь другая цифра.
Для меня он тридцатый. Кто долистал до ста?
Межсезонье, как мышеловка... Бесплатно. Сыро.
Не успев толком выпасть, снег большинство достал.

Кто-то, встав на рассвете, бегаёт кросс по снегу.
Мяч гоняют у школы безумные пацаны.
Я сижу за компом, закусив «кока-колу» снеком,
И готова слушаться Бродского до весны.

Не хочу ни прелюбодействовать, ни ишачить
В разыгравшем декабрь придурошном октябре.
Самый тёплый снег — мой, шерстяной, кошачий.
И неважно, какой листок на календаре.

* * *

За любовь кота не принято умирать.
Приглашаешь его, и он отменяет смерть.
Блудное бессмертие со двора
Спозаранку дивную арию будет петь
О том, что еды нет в миске, а ты все спишь,
О том, что ты его ручной человек.
Не вырастай, мой белый смешной малыш,
Шерстка твоя — самый тёплый на свете снег.
Время смотреть вместо окон в глаза котам:
От гирлянд и свечей расступается тьма зрачков.
Кот являет собой пуэр и пирарцетам,
Учит в душу смотреть пронзительно без очков.
От любви к коту принято жить да жить.
Лучше его царапка, чем в спину нож.
...А когда он, мурча, по Радуге побежит,
Вот тогда ты и за, и вместо него умрешь.

* * *

Настроение: взять котов и уехать в лес,
Чтоб никто никогда в душу мою не влез.
Сны и тайны, растворенные тут и там,
Безлимитно доступны только моим котам.
Нарисую кошачью сказку им от руки.
Миски-сердечки, звездные лежаки,
С мятой чай — им с кошачьей, а мне с простой.
Очень можно быть одинокой и не пустой.
В их мурчании больше смысла, чем в кипах книг,
Где хватает воды на арктический, блин, ледник.

Нет у котиков слов, есть царапалка и дела —
Каждый из них — миллионер тепла.
И они так бесконечно щедры ко мне —
Я всего лишь кормлю и глажу их по спине,
Да шепчу им стихи на ушко — какой пустяк.
Любят коты не за что-то, а просто так.
И, пока не догрызла костей моих пустота,
Пусть и я, наконец, превращусь в кота.

* * *

Что угодно сегодня может звучать со сцен,
Из эфиров и лент переполненных соцсетей.
О цензуре нет речи, отсутствует даже ценз,
Восемнадцать плюс доступно и для детей.
От подмены понятий душно и тяжело.
Новички нынче — мэтры, чушь — волшебство и свет.
Дом, в котором прошедший век, все еще жилой,
Но его посетители скоро сойдут на нет.
Даже кот понимает больше, чем полный зал,
Шелестящий попкорном, давно потерявший нить.
Я смотрю в его понимающие глаза
и бессилён, бессилён что-либо изменить.

* * *

Мой белый кот считает зиму мамой.
Царапает окно, мяучит нежно.
А снег идет-бредет небесной манной,
Во рты не попадая нам, конечно.
В царапаньи окна мой кот усидчив,
Орет дурниной. Всем бы так ишачить.
Мой кот, прости, но матушка токсична
И холодна. Особенно к кошачьим.

Под бабушкин хрусталь — все парапеты,
Атлант! Когда на шубу сменишь тогу?
И елочки-рефлексотерапевты,
И цитрусовый смрад, ах, слава Богу.
И если много денег, то проставься.
А если мало, то проставься тоже.

Как будто правда с чистого листа все
Начнется и закончиться не сможет.

А я найду, за что влюбиться в зиму.
Ведь летом не застать меня в квартире.
Когда еще с моим неотразимым
Котом вдвоем останусь в целом мире?
Он лучше лыж, пуховиков и санок.
Он смотрит в душу, словно впился в мякоть.
Ему я стану мамой самой-самой.
Мы будем прыгать вверх и громко мякать.

* * *

Все эти бедные котоприюты, в мяуканьи и долгах,
Все эти кошатницы сумасшедшие с царапками на ногах,
Все эти брошенные котята, замерзающие у трасс,
Зачем, мироздание, ты так больно нам говоришь о нас?
Таким пищащим слепым комочком был каждый, держу пари,
Он был приручен, а после кинут — умри, несчастный, умри,
И авто с подогревом за много бабок сворачивало в закат,
А в мусорке белый котенок плакал, не знающий языка.
Но волшебство не в метле и шляпе, не в ловкости быстрых рук.
Когда сначала проходишь мимо, но сердцем уловишь звук.
По локоть мало тебе в отходы, залезешь сам целиком,
Неведомой интуитивной силой зачем-то туда влеком,
И вытащишь нечто мякообразное, обнимешь, едва дыша.
Кого-то с настолько грязнущей шерстью, насколько чиста душа.
В этом вся суть нашей странной жизни, известная наперед:
Один тебя выбросит на помойку, а другой с нее заберет.

* * *

Все на местах: любимая работа,
есть ко всему ключи, язык, подход,
взаимно безлимитная забота.
Зачем же мне понадобился кот?
Растопит льды замерзшего залива
дыхание из света и тепла.
Ты нужен мне, чтоб я была счастливой,
А кот мне нужен, чтобы я была.

* * *

Приходи к нам на мягких лапах, полуслабо и полуслепо.
Мы и мама тебе, и папа. Мы просили тебя у неба.
Не дошедшее до ковчегу синеглазое чудо света.
Мы просили тебя у снега, заметающего планету.
Пусть малюсенького котенка в теплый дом приведет дорога.
Не задумывайся о том, как мы просили тебя у Бога.

* * *

За что хвататься в случае прилета
и по следам бегущего пожара?
За голову? За сердце ли? За паспорт?
И, может, СНИЛС понадобится, да.
Нет Бога в небе, в Хаймарсе — пилота,
идет-гудет шум по земному шару,
он не зеленый, а, пожалуй, красный.
Пожалуйста, хватайся за кота.

Да, да, кота. Котенка или кошку.
Да, сверхзадача или партзадание.
Да, Бог не в небе, он в коте с тобою,
смотри в глаза, какая глубина.
Восстановить ведь что угодно можно,
но у мяукающего создания,
дерущего дурацкие обои —
увы, не девять жизней, а одна.

Была коту хозяйка — и обмякла,
а Грады все строчили на повторе,
в крови ни пуха не было, ни праха.
Куда тебя, мохнатого, везти?
А кот стоял и глупо, громко мякал,
он белым был и почернел от горя,
он черным был и побелел от страха.
И слово «будет» не произнести.

* * *

Тебе все можно, мое сокровище.
Сыр из тарелки красть, ходя по столу.

Ты мне важнее, чем все те, кто еще
Не стал мне ангелом и апостолом —
Мои стихи последнего времени —
Плохонький перевод с мурчания.
Шерстью своей белоснежной грей меня,
И я совсем превращусь в молчание.

